

(- 1927)

著者(英)	A.D. Simukov
journal or publication title	Senri Ethnological Reports
volume	74
page range	52-60
year	2008-03-14
URL	http://doi.org/10.15021/00008761

А.Д.Симуков

Очерк работ Гобийской экспедиции Ученого Комитета (июль-ноябрь 1927 года)

Летом 1927 года Ученый Комитет снарядил небольшую экспедицию для исследования малоизвестной юго-западной Гоби. Заданиями этой экспедиции были: топографическая съемка и подробное географическое описание района исследований, сбор зоологической и ботанической коллекций для Музея, обследование исторических памятников по пути экспедиции и выяснение ряда вопросов узкопрактического характера. К таковым относились: обследование гобийского земледелия, вопрос о границе (в полном его объеме) и др.

Руководство экспедицией Ученый Комитет поручил мне. В помощники себе я взял мою жену, как коллектора по ботанике и фотографа, и моего помощника по музею – Джергала, в качестве практиканта-препаратора и для сношений с местными властями. Кроме того был нанят рабочий-повар.

12-го июля сборы были закончены и мы выехали на частном автомобиле из Уланбатора к Ламин гэгэну, исходной точке нашего путешествия.

Прибыв в этот хуриэнь, где нас любезно принял Монценкоп в лице заведующего местным отделением П.Д.Степанова, я на следующий же день съездил в управление Баян-цзурихэ-ульского хошуна. Чиновники управления отнеслись к моим задачам с большим вниманием, и мы совместно обсудили дальнейшее продвижение экспедиции. Было решено, что я съезжу на пашни р. Байдарага налегке, пользуясь местной сомонной дорогой, а караван экспедиции, по моем возвращении пойдет прямо на юг, к Гобийскому Алтаю.

Через день я с Джергалом поехал на Байдараг. Результаты этой поездки свелись к следующему. В низовьях р. Байдарага, верстах в 30-ти выше впадения последнего в оз. Бон цаган нур, находится небольшой земледельческий оазис. В этом месте р. Байдараг, выйдя из южных предгорий Хангая, течет поперек Озерной котловины, громадного желоба, залегающего между Хангаем и Гобийским Алтаем. Этим положением определяется характер окрестностей байдарагского оазиса. На запад и

восток тянется уходящая за горизонт галечная равнина, местами слабо волнистая. На севере она граничит с низкими каменистыми холмами предгорий Хангая, на юге же ее оградой служат мощные стены хребтов Гобийского Алтая. Растительность этой равнины типичная северно-гобийская. В окрестностях Байдарага преобладает карагана, темными точками усеивающая красноватую равнину. Из крупных животных для этой пустыни характерны хулан и хара сульта – тоже типично гобийские формы.

Все вышеизложенное служит, по моему мнению, достаточным основанием для того, чтобы именовать байдарагское земледелие “гобийским”.

Земледелием здесь занимаются исключительно монголы, местные жители, унаследовавшие это занятие с весьма давних времен. О происхождении гобийского земледелия см. ниже в описании оазиса Лэг.

Площадь посевов в настоящее время очень невелика, не превышает нескольких десятин и имеет тенденцию сокращаться. Сокращение это зависит от многих причин. Главную роль играют паводки и частичное засоление. Тарячины не способны бороться с этим не имея перед глазами хорошего примера, хотя бы в виде китайцев-землепашцев. Поэтому же обработка земли носит весьма примитивный характер.

Сеют ячмень и пшеницу. Засоренность посевов велика, так как семенной материал не очищается.

Орошаются пашни водой р. Байдарага путем оросительных канав, проводимых из реки.

Полученное с пашен зерно частью потребляется самими тарячинами, частью расходуется среди ближайшего населения. В пищу его употребляют главным образом в виде дзамбы, т.е. муки, приготовленной из обжаренных зерен.

Власти в лице Баян-хонгор-ульского хошунного управления, в земельные дела совершенно не вмешиваются. Учет пашен отсутствует. Налоги за землепользование не взимают. Госпомощь отсутствует.

Подробно о байдарагском земледелии см. мой отчет по Гобийской экспедиции 1927 года (архив Ученого Комитета).

Выводы, сделанные мной на основании обследования, следующие. Самый факт обработки земли монголами вполне самостоятельно, на основании лишь традиций, при плохих климатических условиях, заслуживает серьезного внимания. Этот вывод относится ко всем очагам гобийского земледелия, которых немало. Далее, при небольшой материальной и моральной поддержке со стороны центральной власти, Байдарагский земледельческий оазис имеет много данных в будущем

сильно расширяться. Данные таковы: большая площадь пригодных для обработки наносов реки Байдарага, использованная пока лишь частично, весьма солидный запас воды в реке, также весьма мало использованный, и хорошее качество почвы. Тот факт же, что при крайне примитивной обработке пашен и массе вредителей, урожай получается все таки приличный, обещает при изменении этих последних условий очень многое.

Помощь государства могла бы выразиться в инструктировании тарячинов, снабжении их хорошими орудиями и премировании лучших по обработке участков. Возможности по сбыту хлеба окружному населению неограничены.

Подобный же земледельческий оазис существует и на нижнем течении р. Тацаин гола. Посетить его мне не удалось, но по расспросным сведениям и по физическим данным, известным мне, он должен быть весьма схож с Байдарагским.

Сейчас же по моем возвращении с Байдарага мы привели наш багаж в походный порядок и 3-го августа выступили из Ламаин гэгэна на юг, в Гобийский Алтай.

Остановившись в высочайшем хребте Гобийской части Алтая – Ихэ-Богдо, имеющем на вершинах пятна вечного снега, экспедиция обследовала наиболее интересную часть верхнего пояса этого хребта, а именно верховья ущелья Битютэн ама. Констатированы ясные следы древнего оледенения этого хребта в виде ледниковых каров, боковых морен и громадных ледниковых валунов. Кроме того собран весьма интересный гербарий, количеством до 100 видов растений, характеризующий постепенный переход растительности Ихэ-Богдо от гобийской – у подножья хребта - к высокогорно-альпийской – в его верхнем поясе. По ущелью Битютэн ама попадают рожицы тополей, затем, что особенно любопытно, есть несколько экземпляров березы и, в верховье ущелья, лесок карликовой ивы полярного типа.

Из промысловых животных Ихэ-Богдо, особенно его южный склон, весьма богат тарбаганом.

Перевалив Ихэ-Богдо, экспедиция одним переходом пересекла пустынную долину, ограничивающую этот хребет с юга, и остановилась в ур. Лэг или Лэгин гол.

Здесь в Лэге, среди совершенно пустынных окрестностей также имеется небольшой земледельческий оазис. Странно было видеть пашни в непосредственном соседстве с саксаулом и поросшими бударганой солончаками.

Лэгское земледелие, подобное байдарагскому, также имеет весьма

почтенный возраст. Сохранившиеся у местного населения предания приписывают начало земледелия в целом ряде гобийских оазисов некоему Цаган бар гуну, большому нойону, китайцу(?), жившему весьма давно, еще до Чингиса. К тому времени относятся небольшие развалины, имеющиеся и на Лэгин голе и на Байдараге, а также громадные жернова и каменные молотильные валы, виденные мной в обоих оазисах. Возможно, что мы имеем здесь дело с не лишеной размаха попыткой колонизовать северную Гоби, пользуясь несколькими оазисами как опорными пунктами.

Водой Лэгин гол очень беден. Имеется всего несколько маленьких ключиков, пробивающихся на поверхность по окраине урочища. Водой этих ключиков и орошаются пашни. Обработка земли еще первобытнее байдарагской. Верхний слой почвы сильно истощен, поэтому после каждого засева определенный участок пашни долго отдыхает. Сеют, как и на Байдараге, ячмень и пшеницу. Вся земля и вода принадлежат Ламаин-гэгэнскому монастырю, именно частью лично гэгэну, частью чжасе Дуйнхор дацана. Местные жители засевают, если хватит воды, оставшиеся пригодные клочки. Обрабатываются монастырские пашни местным населением, под присмотром лам. За работу они получают небольшое количество зерна и двух баранов на всех в качестве харчей. В прошедшем году зерна на Лэге было собрано около 600 пудов, возможно даже 700. С монастырских пашен все зерно идет на “нужды богослужения” как мне говорили ламы.

Таким образом о лэгском земледелии можно сказать следующее: большего развития площади посевов, благодаря недостатку воды, ожидать трудно. Увеличить выход зерна можно только улучшением обработки земли, для чего требуются инструктирование и более совершенные орудия. Кроме того надо упорядочить землепользование, хоть немного сократив привилегии Ламаин гэгэнского монастыря.

С Лэгин гола я с Джергалом съездил налегке в хуриэнь Юм бэйсэ и управление Чжибхоланту-ульского хошуна, расположенное около куреня Йосту бэйсэ. Поездка эта осветила в географическом смысле малоизвестный участок района к югу от главной цепи Монгольского Алтая. Кроме того я выяснил ряд вопросов о государственной границе, о которых ниже.

По дороге в Юм бэйсэ я заехал на речку Цаган гол, текущую в широкой долине у юго-западного подножья Ихэ-Богдо. Тут тоже некогда были обширные пашни, ныне совершенно заброшенные. Впрочем местные жители сеяли еще в 1926 году. Прекращение посевов объяснили мне нехваткой воды. Но это неверно, так как Цаган гол представляет собой порядочный ручей, способный оросить сравнительно большую площадь.

Вероятнее всего причиной прекращения сева надо считать постепенное углубление русла речки и, как следствие, увеличивающуюся трудность отвода воды на пашни. Возможность же орошения тут несомненно бóльшая, нежели на Лэгин голе. Словом этот потухший очаг земледелия следовало бы воскресить. Вообще потребность гобийского населения в дешевом хлебе очень велика и было бы весьма хорошо хотя бы часть этой потребности покрывать продуктами местного производства.

В хребте Бай баян ундур, на южном склоне которого лежит мон. Юм-бэйсе, порядочное количество тарбаганов. Здесь их южная граница. Но грызун этот находится тут под защитой лам, запрещающих охоту за ним, и небогатое население хошуна лишено естественной доходной статьи.

Кроме того в этом же хребте имеются залежи каменного угля и прекрасной меди. Такое соединение дает возможность создать кустарное производство медной утвари, столь распространенной в южной полосе МНР.

По возвращении моем из Юм бэйсэ на Лэгин гол, экспедиция двинулась дальше на юг. Южная часть хошуна Баян цзурихэ вообще мало населена, а в этом году из-за засухи и совсем пустовала. Поэтому мы не встречали людей на пространстве свыше 100 верст, до хребта Нэмэгэту, где остановились на три дня для ознакомления с этими горами. Перевалив Нэмэгэту мы пересекли новую пустынную долину и вошли в горы Тосоту, находящиеся в крайней южной цепи Гобийского Алтая.

Отсюда я послал Джергала в управление Гурбан сайхан-ульского хошуна с просьбой дать проводников и верблюдов для дальнейшего Следования. Самую важную часть экспедиции - исследование гор Цаган-Богда - я решил выполнить один с двумя местными проводниками. Вызвано было это решение сведениями о возможности столкнуться на пути к этим горам с разбойничьими шайками. Подробности о разбойниках в этом районе см. ниже.

Простояв в горах Тосоту дней 8, мы дождались проводников и верблюдов. Спутники мои двинулись на восток, в соседние Тосту горы Ноян богда. Я же, с двумя проводниками, поехал на юго-запад. Хошунное управление снабдило меня прекрасными спутниками. Один из них, молодой веселый хара хун Лубсан, был жителем гор Тосоту. Года три тому назад он зимовал в Цаган богда и хорошо знал восточную часть этих гор. Явился он с кремневкой, так как немного охотничал. Второй обитатель хребта Цзолэн, пожилой, но очень бодрый хара хун Дорджи, оказался первоклассным охотником, кроме того Дорджи - член МНП и председатель хошунной ячейки. Оба эти человека очень много помогли мне своим знанием пустыни, и животного и растительного мира. Всегда

веселые, покладистые, легко переносившие все невзгоды осеннего путешествия по совершенно безлюдной местности, они делали нашу общую работу, подчас очень нелегкую, веселой и незаметной, всеми силами стараясь принести больше пользы нашему общему делу. Вспоминаю я их всегда с искренней благодарностью.

Итак, 19 сентября мы двинулись. В первый же день сделали 40-верстный переход, пересекши горы Тосоту наискось, к их юго-западному концу. На другой день утром мы заехали в последний на нашем пути аил. Дальше расстилалась совершенно безлюдная местность, по которой мы сделали, не встречая аилов около 600 верст.

Вместо подробного описания этого этапа путешествия, я дам краткий очерк посещенного аймага.

Если ехать из куреня Юм бэйсэ на юг, по большой дороге, идущей к городам Сучжоу и Аньси и далее в Цайдам и Тибет, то путник сразу же по выезде из куреня оказывается в типичной для Центральной Гоби широкой пустынной долине, носящей название Чжинсэту хоолай в восточной своей части и Толийн хоолай – западной. Последнее название происходит от ключей Гурбан толи, расположенных в ее центре.

Далее к югу путешественник переваливает невысокую гряду гор Бургустайн нуру и спускается в следующую долину Долон чоноин хоолай. За этой долиной дорогу пересекает длинная гряда гор Идэрэнгиин-нуру. Перевалив этот расчлененный и невысокий хребет, дорога спускается в широкую пустынную равнину, прорезанную в середине широкой грядой мелких каменистых холмов. Эта часть пустыни носит название Цэнхэр хоолай или Нарин хуху гоби. Южной оградой этой равнины служит длинный – свыше 300 верст – горный хребет, отдельные части которого называются (с востока на запад): Цаган богда, Хуху тумурту, Цзара хайрхан, Ата богда, Дугай хайрхан и Ата богдаин-нуру. За этим хребтом, пересекши еще 2-3 пустынных равнины и столько же холмистых гряд, дорога достигает местности Мацзуншань. Вся эта местность, начиная от Толийн-хоолая, в настоящее время совершенно безлюдна. Но из этого никак нельзя выводить заключение, что она вообще непригодна для кочевков. В старое время, когда существовал еще так называемый “Алтан харул” – линия постов, охранявших ряд правительственных (китайских) золотых приисков, по всем этим горам и долинам, до гор Цаган богда включительно, привольно кочевали аилы из 3-4 соседних хошунов. Официальная граница Халхи проходила по горам Цаган богда, куда и были выдвинуты два поста “Алтан харула”, стоявшие в ур. Хурэн дэл и Шара хулусун. Именно так проводится и сейчас государственная граница МНР на наших официальных картах в Уланбаторе. Хошунная же граница

проходила тогда через западную оконечность Бургастайн-нуру – хребтик Сумун-хада – и ключи Гурбан толи, оставляя широкую (до 150 верст) полосу как бы для общего пользования нескольких смежных хошунов. Таковой она осталась и по сие время. Но “Алтан харула” уже не существует, полоса эта открыта для разбойничьих набегов, а хошуны заботясь лишь о поддержании своей собственной границы, перенесли на последнюю значение государственной и совершенно отказываются от вышеописанной 150-верстной полосы. Таким образом получается ни с чем не сообразная разница в представлениях о южной границе у центра с одной стороны и местных властей – с другой. Мало того, узнав о расположении китайских постов, я пришел к выводу что китайцев совершенно не интересует весь огромный район, между горами Цаган богда и населенной полосой провинции Ганьсу (города Сучжоу, Аньси, Юймынь), ограниченной с востока рекой Эцзин голом и с запада Бэй-шанем, Тянь-шанем и Джунгарской пустыней. Китайские посты стоят по южному краю этого района. Таким образом создается благоприятная обстановка для оседания в богатых водою местах этого района беспокойного разбойничьего элемента, что и имеет место в Мацзуншане. Но о разбойниках ниже.

Мой маршрут охватил восточную треть хребта Цаган богда до пересечения последнего в ур. Шара хулусун Тибетской дорогой. Помимо целого ряда хороших колодцев, я посетил пять богатых водой ключей. Из них особенного внимания заслуживают Шара хулусун и Цаган бургасун. Несмотря на засуху я нашел там много воды, роци прекрасных тополей, заросли тамариска и буквально непролазные чащи камыша. За исключением Эцзин гола, более красивых и удобных для обитания мест я, изъездивший немалую часть Гоби, не встречал. Кроме того я нашел следы плантаций мака (опий), разводившегося здесь до появления Джа-Ламы китайцами, выходцами из провинции Ганьсу. Джа-лама их прогнал. Плантации эти имелись на ключах Сучжи, Тоорой шанда, Цаган булаг, Эхин гол и Шара хулусун. Следовательно, небольшие участки земли в этих урочищах пригодны и для миниатюрного земледелия. По свидетельству кочевавших ранее в Цаган богда монголов, в хорошие годы горы эти дают прекрасные пастбища.

Кроме Тибетской дороги через Шара хулусун проходит и новая - Цончжийн цзам, недавно проложенная. Она приходит из Гучена и Баркуля к крайней западной оконечности Ата богдаин-нуру и идет далее на восток, заходя в Шара хулусун и Цаган бургасун. Пройдя севернее горы Цаган богда, дорога эта достигает кл. Сэбистей к югу от гор Тосоту. От Сэбистей она поворачивает к Эцзин гольским озерам. Движение по ней порядочное. Недели за 3-4 при мне прошло до 2000 верблюдов, груженных изюмом,

хлопком, шерстью и овчинами.

Теперь о Ма-Цзы-Шане. Западная и юго-западная Гоби издавна были известны как местопребывание разбойничьих шаяк. За последнее время, как известно, особенно прославился Джа-лама со своими приспешниками. После его уничтожения, некоторое время было спокойно, но затем в Мацзуншане снова собрались любители легкой наживы и вольного житья. Последние 2 года пограничные халхасы опять страдают от грабежей. В истекшем (1927 г.) году грабежи начали принимать серьезные размеры. Население Ма-цзы-шаня по имеющимся у меня сведениям достигает 150 юрт. Число это делится примерно поровну между тремя народностями: халхасами (беглыми из хошуна Чжибхоланту ула), западными торгоутами и киргизами. Грабежами по всем признакам занимается вторая категория, т.е. торгоуты. Прекрасно вооруженные скорострельными винтовками, они собираются небольшими (до 10-15 человек) шайками, пересекают громадную безлюдную пустыню и появляются в населенной приграничной полосе Халхи. Обычно ночью обстреляв беглым огнем аил, разбойники угоняют верблюдов и возвращаются восвояси, не боясь погони, так как у местного населения кроме кремневок ничего нет. Боясь разбоев, население перекочевывает все дальше вглубь страны, оставляя часто прекрасные пастбища безлюдными. Разбойники же наглея, забираются по следам населения все дальше и дальше. Один из последних известных мне грабежей произошел в конце августа истекшего года на северном склоне Ихэ баян цаган, т.е. недалеко от Ихэ-Богдо и всего в 20 верстах от Лэгин гола. Это хошун Баян цзурихэ-ула. Одновременно с этим (в данном случае было угнано 12 верблюдов) другая партия разбойников угнала сразу 50 верблюдов из местности Даацийн хоолай. Всего же за года полтора угнано не менее 200 верблюдов. Благодаря этим же Мацзуншаньским разбойникам движение по Тибетской дороге совсем замерло.

Такой дерзости разбойников способствует главным образом полное отсутствие хотя бы самой примитивной охраны границы. Так называемые “пограничные цагды” (их единицы) не считают даже нужным уведомлять хошунное управление о разбоях, как это имело место в горах Тосоту. Только от моего спутника Джергала тамаган узнал подробно обо всех грабежах.

Выводы из всего вышеизложенного относительно положения на описанном участке границы по моему мнению таковы. Было бы весьма желательно закрепить государственную границу по горам Цаган богда путем выдвижения в ур. Шара хулусун военно-пограничного поста. Такая мера, создав внушительную угрозу разбойникам, обезопасила бы движение по Тибетской дороге. Благодаря этому сразу оживилась бы торговля с

Ганьсу и усилилось бы сообщение с этой провинцией, Цайдамом и Тибетом. Кроме того этот крупный пост и несколько мелких распределенных по пограничным аилам, дали бы возможность населению окрестных районов пользоваться в хорошие годы пастбищами большого безлюдного ныне района. Разбои в таком случае сразу прекратятся. Благодаря открытию путей и торговле оживится большой район Республики, в настоящее время глухой и бедный. Вышеуказанная мера окупится в первую очередь таможенным постом в Шара хулусуне, который будет собирать дань с двух больших дорог – Цончжийн цзам и Тибетской.

Вернувшись из разъезда в горы Ноян богда, к своим сотрудникам, я с женой съездил налегке на Эцзин гол, т.е. в самый захолустный хошун Внутренней Монголии. Здесь я встретил большую европейскую экспедицию, работающую под руководством известного шведского путешественника Свена Гедина. Экспедиция носит название “китайско-шведской”, т.к. работают в ней кроме шведов и немцев еще и китайцы. Одна из главных работ этой экспедиции – выяснение вопросов климатологии Центральной Гоби и Тянь-шаня. Я провел в их лагере целый день, интересуясь работой экспедиции, ее оборудованием и тому подобным. Заехав в знаменитый “Мертвый город” Хара хото, вернулся в Ноян богда, и на следующий же день караван экспедиции тронулся в дорогу к Уланбатору, так как была уже середина ноября.

3-го декабря на 18-й день непрерывного хода, мы в последний раз развьючили наших верблюдов во дворе Ученого Комитета.

Результаты экспедиции сводятся к следующему: мною, частью с караваном, частью в разъездах, сделан маршрут около 4000 верст, исследован частью детально, частью поверхностно большой весьма малоизвестный район. По части маршрута сделана буссольная съемка, а по всему - по возможности детальное географическое описание. Собраны для музея МНР зоологическая и ботаническая коллекции. В первой имеется ряд редких и ценных экземпляров, как например дикий верблюд, добытый мной к югу от Цаган богда. К описанию сделано около 100 характерных фотоснимков. Освещен ряд специальных вопросов, как например гобийское земледелие, вопрос о границе, о разбоях и пр. Кроме того собрано много мелких сведений по самым различным отраслям.

Экспедиция продолжалась более 4½ месяца и обошлась около 2000 тугриков.

А. Симуков.

Уланбатор
2/1-28 г.